

# Лодка / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Лодка / рассказ ЛОДКА

Когда дедушка умер, я легла на пол и слушала Люмена. В комнате стало темно, как ночью. Завтра контрольная по алгебре, а в голове ничего не складывается. Слышу только, птицы стучат по подоконнику: цок-цок-цок.

Бабушка выдохнула. Посмотрела в окно на полосатую трубу завода и сказала:

— Отмучился.

Бело-розовая. И черные лапки деревьев. Острые, как у голубей. Май, а листвы нет, как не было. Только небо белое и черемуха, белая скатерть на столе, посуда чехословацкий фарфор. Зеркала завесили белым. Будто окна закрыли наглухо.

И стало еще темнее.

\* \* \*

Мы возвращаемся по куцему хвосту дороги через дикий малинник, я смотрю на яблони и будто вижу, как дедушка собирает яблоки в платяную сумку. За спиной школа. Дырявый забор. Алина чешет коленку, которую содрала об асфальт. Мне нравится ее белый кружевной воротник, и привычка засучивать рукава рубашки. Она собирает одуванчики на веноч, но их мясистые стебельки ломаются, и она чертыхается.

— Мама хочет отвезти меня к морю. Говорит, морской воздух полезен, — вздыхает она.

В её кармане гремит маленький синий ингалятор.

— На моем пороге стала дремать кошка, знаешь, белая такая, как сметана. Мама так и назвала ее, Сметанкой. Что она делать будет, когда мы уедем? Кто будет кормить?

Алина умоляюще посмотрела на меня.

— Хорошо, я пригляжу.

На развилке мы расходимся, я смотрю на торец панельки, на

трещины, ползущие от основания, похожие на когти. И внутри что-то сжимается. Не хочется возвращаться в темный дом с завешенными зеркалами.

По ночам мне страшно. Я боюсь, что простыни случайно упадут с зеркал или краешек их отстанет, и в отражении появится призрак. Мне слышатся шаги и скрипы. И плач из соседних комнат. И к утру я не могу понять, спала ли вообще, или мне снился этот темный коридор и всхлипы.

Мне мерещится черное мохнатое существо, похожее не то на кошку, не то на собаку, оно скачками приближается к кровати, смотрит глазами-чашками, янтарными, как фонари, не моргает. Скребется, вьется, и протяжно воет, так заунывно, будто стонет. Будто печалится.

Мне хочется его пожалеть, но оно исчезает в квадратной черноте комнаты.

И звенит будильник.

\* \* \*

Плывет лодка по черной воде, в ней сидит человек в плаще, его лицо закрывает капюшон. На другом берегу темная трава и лежат облака на горизонте, пасутся, как овцы. Нет солнца.

Мама забирает кистью с палитры черный и обводит человека.

— Ему грустно? — спрашиваю я, доедая яблоко.

Мама кивает и продолжает обводить.

\* \* \*

Бабушка поливает герань. Мигает лампочка. Мама моет руки от красок. Я достаю из кармана письмо, в белом гладком конверте с синими цветами.

Море красивое, но холодное. Видела, как местные женщины в нем стирают простыни. Знаешь, мне кажется, это не гигиенично. Здесь ходят баржи и корабли, и рядом купаются люди. У берега вода совсем мутная, охристая.

У моего дома растет большое шелковичное дерево, но кажется, оно мертво. Черное, сухое, не цветет. Кора толстая и шершавая. Все думаю залезть на него, посидеть на ветвях. Наверняка, с

него открывается красивый вид.

По утрам мимо окон проходят рыбаки в засаленных рубашках, от них пахнет рыбой и солью. От стен пахнет также. Мама никак не может привыкнуть к этому запаху, все обложила мешочками с лавандой. Бабушка над ней смеется. Я тоже.

Здесь на полу горы пластинок, но на проигрывателе сломана игла. А в моей комнате на стене висят старые постеры с Металликой. Смотрю на них и думаю о папе.

Знаешь, мне, кажется, стало лучше.

Твоя Алина.

Я закрываю глаза и представляю себя сидящей на ветвях старой шелковицы. Рядом смеется Алина. Ее бабушка кричит из окна, чтобы мы быстро слезали, а то упадем. И где-то там, за домами, плещется черное море.

\* \* \*

Под кроватью вьется чернота, скулит, плачет. Я поднимаюсь, слышу голоса на кухне, тихие, шуршащие. Крадусь.

И видится мне, будто за столом, при свете зеленой лампы, сидит дедушка, пьет чай из чехословацкого сервиза. Скатерть кружевная белая. Рис с изюмом. Бабушка сидит, голову уронила в ладони. Не замечает меня, не слышит.

Бормочет:

– Тебя там хоть кормят? Вона исхудал как, одни кости торчат, щеки впали.

– Да не причитай ты, дай чай попить спокойно, – отмахивается дед. – Мне место у окна причитается, я ветеран труда. Я им говорю, а они мне только, подпишите, да подпишите.

Вдруг поднимает на меня глаза, улыбается.

Я говорю:

– Дедушка, ты же умер.

А он только плечами пожимает.

Над головой его лодка плывет по картине, черная вода плещется, волнуется, солнце проглотила. Человек в плаще капюшон снимает, отряхивается от соленых брызг. В ногах его вьется кто-то.

Белая кошка. Смотрит с картины, облизывается.

---

Об авторе: КРИСТИНА ПЕШЕВА

Поэтесса, прозаик. Родилась в г. Долгопрудном Московской области. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького. Публиковалась на портале «Полутона» и в «Новом мире».

Neçaýalar